

Александр Пученков

Праздник Октября под колокольный звон*

Aleksandr Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

The feast of October under the bell ringing

DOI: 10.31857/S2949124X23060251, EDN: NTXDBO

Монография молодого, но хорошо известного своими публикациями¹ петербургского историка К.В. Годунова раскрывает многие положения его диссертации, успешно защищённой в 2018 г.² Уже во введении автор оговаривает, что видит в изучении ритуалов ключ к пониманию природы власти, а не просто один из аспектов Гражданской войны, которая «до сих пор часто описывается как история военных столкновений красных и белых» (с. 7). Ссылаясь на празднования и церемонии, проходившие в России, Англии и Франции, Годунов исходит из того, что «в качестве опоры власти выступают не только разветвлённый государственный аппарат, военная сила, законы, но и яркие символы, ритуалы, церемонии, обеспечивающие символические основания политического господства» (с. 7–8). В центре внимания исследователя – празднование Дня

пролетарской революции как годовщины основания Советского государства, в котором «отчётливо проявились важные элементы особой политической культуры, не всегда контролируемой большевиками» (с. 13). Выражение эмоций органично сочеталось при этом с репрезентацией власти. Тогда же «в ходе ожесточённой борьбы за власть, на фоне военных столкновений революционной эпохи родились первые в российской истории культы вождей» (с. 17). Соответственно «эта книга – не только и не столько о празднике, сколько о власти в эпоху глобального кризиса». Годунов надеется, что, «больше узнав о праздниках переломной эпохи, мы сможем глубже понять культурную ситуацию, в которой происходило становление советского политического режима» (с. 20).

Действительно, с первых же месяцев своей диктатуры большевики

* *Годунов К.В.* «Красная Пасха»: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 256 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

использовали праздники как важный политический ресурс, позволяющий правящей партии добиваться мобилизации своих сторонников и дискредитации оппонентов (с. 40). Так, большое внимание они уделяли празднованию 1 мая. В 1918 г. на этот день пришлось среда Страстной седмицы, когда Церковь вспоминает предательство Иуды. Разумеется, митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) признал неуместным участие православных в каких-либо торжествах. У многих представителей оппозиции проведение праздничных мероприятий в условиях разворачивающейся Гражданской войны вызывало недоумение (с. 23–24). Власть же, воспользовавшись поводом, устроила в этот день в Петрограде первый парад Красной армии. «Утром, — писал А.А. Блок, — под военную музыку ходят образцовым строем Николая II солдаты и матросы с аккуратными красными плакатами» (с. 27). В итоге в городе «звуки военных оркестров, исполняющих Интернационал, сливались с церковным гулом». А очередной номер газеты ставропольских большевиков «Власть труда» вышел под шапкой «Христос воскрес!». «Вероятно, — полагает Годунов, — таким образом учитывались настроения трудящихся» (с. 28). По его мнению, «в ходе празднования 1 мая актуализировались важные темы: тема политического использования праздника, тема эмоционального восприятия празднований, тема сакральности» (с. 31).

Но это была лишь репетиция приближавшейся первой годовщины Октябрьского переворота. Большевикам хотелось как можно скорее и нагляднее продемонстрировать перемены, принесённые революцией (с. 55). Однако «традиционные представления о празднике как о времени отдыха, веселья, радости вступали в противоречие с конкретной ситуацией Гражданской войны: праздничные торжества

проходили в момент экономической катастрофы, военных столкновений, коллапса государственных институтов» (с. 99). Поэтому организаторам соответствующих мероприятий приходилось проявлять недюжинную фантазию, заставляя их участников хотя бы ненадолго забыть о страшной повседневности и пережить эйфорию.

Для декорирования праздничного пространства использовались гирлянды, флаги, арки, гербы с серпом и молотом, панно, аллегорически изображавшие ценности революции. Нередко устраивались символические сожжения каких-либо атрибутов старого строя. Так, в Москве на Лобном месте в день годовщины Октября сожгли чучело кулака (с. 58, 61). На Неве 8 ноября 1918 г. матросы Балтийского флота предали огню изображение Бастилии (с. 161–162). В Петрограде непременно устраивалась торжественная иллюминация, что производило на жителей практически неосвещённого в условиях разрухи города особенно сильное впечатление. В ноябре 1920 г. им показали настоящий фейерверк: из ракет, римских свечей, бенгальских огней составлялись изображения самолётов, военных машин, кораблей, глобусов, на которых указывались границы Советской России (с. 62). По словам Годунова, «иллюминация в сочетании со звуковыми эффектами была призвана пробудить сильный эмоциональный отклик у участников торжеств» (с. 63). В целом же, «демонстрации, шествия, военные парады стали важнейшим элементом торжеств. До 1917 года демонстрации были революционным актом борьбы с царским режимом. После революции их эмоциональный стиль изменился: “мрачные манифестации превратились в праздничные парады; дни борьбы стали праздниками”» (с. 66). В итоге «звуковые и цветовые эффекты в тёмных и холодных городах, особая организация пространства,

раздачи пайков должны были оказать сильное эмоциональное воздействие на участников торжеств в момент тяжелейшего кризиса. Праздники превращались в действо, направленное на все органы чувств, его трудно было игнорировать» (с. 84).

Вместе с тем «праздник становился смотрам сил сторонников Октября и временем их мобилизации, частью войны против врагов революции» (с. 105). Не случайно значимым его элементом на протяжении нескольких лет являлось поминовение борцов павших за революцию; известны случаи, когда в таких церемониях участвовал и В.И. Ульянов (Ленин) (с. 84). Конечно, «это не должно было помешать эйфоричному восприятию торжеств», но их устроители старались совместить «триумфальный характер празднования революции с трагической памятью о погибших» (с. 87). Впоследствии 7 ноября предпочитали говорить об успехах страны. Но в годы Гражданской войны «культура траура, несмотря на все противоречия, занимала важное место в политической культуре. Напоминание о жертвах, которые были принесены, “кровь погибших за Свободу”, должны были “сплотить оставшихся в живых”» (с. 90).

Большое внимание в книге уделено замещению религиозного сознания революционным. Так, исследователь отмечает, что в первые годы советской власти Октябрь нередко именовался «пролетарской красной Пасхой». Причём «сравнивали годовщины Октября с религиозными праздниками и видные большевики», включая Г.Е. Зиновьева и А.В. Луначарского (с. 108–110). Это приводит автора к уверенному заключению о том, что «носители культуры революционного подполья, в том числе и те, кто декларировал свой отход от религии, находились в поле влияния религи-

озной традиции» (с. 117). Впрочем, «сакрализации Гражданской войны через праздничный дискурс способствовали совершенно разные люди: авторитетные политические деятели, большевистские пропагандисты, столичные и региональные писатели, поэты, публицисты, корреспонденты и пр.» (с. 125–126). По мнению Годунова, «образ “красной Пасхи” был тесно связан с представлением об особой, мессианской роли пролетариата, возрождённого к новой жизни революцией» (с. 115). Неслучайно в большевистской публицистике тех лет, посвящённой павшим революционерам, не раз упоминались «Голгофа», «крест», «распятие на кресте» и т.д. Антикапиталистическая риторика также нередко усиливалась религиозными метафорами (Вавилон, изгнание торгующих из храма и т.д.) (с. 120–121).

Как утверждает Годунов, «празднование годовщины революции было техникой воспитания чувств, и эти чувства должны были иметь отчётливый сакральный оттенок» (с. 135). С этим исследователь связывает и то, что в 1918 г. соответствующие торжества нередко сопровождались колокольным звоном и даже богослужением (с. 131–132). Более того, по мнению автора, политика большевиков первоначально «носила скорее антиклерикальный, чем антирелигиозный характер — в рассматриваемый период времени правящая партия ещё окончательно не определилась с курсом по созданию атеистического государства. Ресурс праздника использовался для критики священнослужителей, при этом язык и поведение организаторов годовщин Октября несли печать религиозного языка и религиозных практик. Этот язык, на котором разные люди — как большевики, их сторонники и “попутчики”, так и противники правящей партии — говорили

о смысле праздника, был пронизан религиозными метафорами» (с. 140).

Особый интерес вызывает четвёртая глава монографии, посвящённая осмыслению и оправданию репрессий в 1918 г. «Террор, — пишет историк, — часто описывается как целенаправленная политика авторитарной партии, стремящейся удержаться у власти с помощью насилия. Я использовал иной подход. Через описание связей террора и праздника я постарался показать некоторые особенности культуры насилия, носителями которой были не только большевики» (с. 170). Со своей стороны, их противники, как отмечает Годунов, «сравнивали красный террор с языческими жертвоприношениями, приуроченными к празднованию годовщины Октября, не только постфактум, но и в ходе Гражданской войны» (с. 157).

Отмечая 7 ноября, в Петрограде в 1918 г. переименовывали улицы в честь российских и зарубежных революционеров (В. Володарского, Ф. Адлера, К. Либкнехта, Ф. Энгельса), украшали актовые залы школ портретами Ленина, Луначарского, Зиновьева (с. 172–173). Кстати, речь, произнесённая тогда Лениным, воспринималась современниками как свидетельство его выздоровления после августовского покушения. Именно месяцы, следовавшие за его ранением, стали «начальной фазой сакрализации образа лидера большевиков» (с. 181). В те дни Ленину посвящались стихотворения, в которых его именовали «вождём», «героем», «опорой и радостью», «учителем — отцом» (с. 182–183). Вопреки мнению, сложившемуся в зарубежной историографии, Годунов признаёт: «Мне не удалось обнаружить данных, свидетельствующих о целенаправленно создаваемых культах вождей в ходе празднований Октября. Не было единой силы, определяющей праздничную политику. Вероятно, можно говорить

о том, что в период Гражданской войны сложились некоторые предпосылки и отдельные элементы культа Ленина (и наиболее значимой составляющей была его сакрализация)» (с. 184). Впрочем, затем автор указывает на то, что «формирующиеся культы вождей (прежде всего культ Ленина), дискурс террора и сакрализация революции были тесно связаны» (с. 190).

Подводя итоги, исследователь заявляет: «Я убеждён, что осень 1918 года — особый, во многом поворотный момент в советской истории. Именно в это время начали формироваться культы советских вождей, состоялась дискуссия о красном терроре, достигло пика ожидание мировой революции в связи с революционными событиями в Западной Европе, а процессы сакрализации политики получили новый импульс» (с. 191). Он также констатирует, что «невозможно понять феномен революционного праздника, рассматривая большевиков как единственного и единого актора, конструирующего праздничный ритуал. Советская праздничная традиция складывалась не только под воздействием идеологии большевиков и их сторонников, но и вследствие различных политических конфликтов и дискуссий, открытых и скрытых противоречий... Советская праздничная традиция находилась под влиянием отчасти целеустремлённой, отчасти стихийной политики по включению элементов предшествующих праздничных традиций в формирующийся советский праздничный канон. Революционная фразеология и символика переплетались с христианскими метафорами, различными элементами до-революционной праздничной культуры» (с. 193).

Работа К.В. Годунова основана на оригинальной и добротной документальной базе; безусловно, она вносит свою лепту в историографию русской

революции. Хочется надеяться, что в дальнейшем автор столь же глубоко и тщательно проанализирует советские праздники не только 1918 г., но и последующих лет.

Примечания

¹ *Годунов К.В.* Левые оппоненты большевиков и революционные празднования 1918 г. // *Российская история.* 2016. № 5. С. 184–195; *Годунов К.В.* Празднование первой годовщины Октября и ожидание мировой революции // *Новейшая история России.* Т. 8. 2018. № 2. С. 441–448; *Годунов К.В.* Празднование первой годовщины Октября и красный террор: легитимация

революционного насилия // *Новейшая история России.* Т. 10. 2020. № 4. С. 97–98; *Годунов К.В.* Первая годовщина революционного Октября: к вопросу об особенностях эмоционального режима периода Гражданской войны // *Вестник Пермского университета. История.* 2022. № 1(56). С. 112–121; *Годунов К.В.* «Гражданская война»: политическое использование понятия весной 1917 г. // *Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России.* Сборник статей. СПб., 2022. С. 37–59. Рецензию Т.Г. Леонтьевой на этот сборник см.: *Российская история.* 2023. № 1. С. 217–222.

² *Годунов К.В.* Праздник 7 ноября в политической жизни Советской России эпохи Гражданской войны, 1918–1920 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2018.